

Ольга
Покровская

Читайте в серии
книги

Ольги *Токровской*:

Останься со мной!

Тайна, или Идеальные любовники

Пока горит огонь

Адюльтер, или Жена моего босса

Пожалуйста, только живи!

Последняя бездна

Закулисный роман

Ольга Токровская

Одна судьба на двоих

Роман

Москва 2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П48

Художественное оформление серии
Д. Сазонова

Покровская, Ольга.
П48 Одна судьба на двоих: [роман] / Ольга Покров-
ская. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с.—
(Еще раз про любовь. Романы Т. Алюшиной и
О. Покровской).

ISBN 978-5-699-95458-2

Рада, простая провинциальная девушка, волей случая получила роль у американского режиссера. Считая своего возлюбленного Гришу погибшим, она переехала в Америку, впоследствии став голливудской актрисой. Ее карьера быстро пошла вверх, но на личной жизни девушка поставила крест... до тех пор, пока не появился Гриша. Оказывается, ему удалось выжить. Однако Рада успела подписать с киностудией контракт, в котором значится, что она не имеет права выходить замуж целых десять лет. Ее любимому не суждено остаться в Америке...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95458-2

© Карпович О., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Если всё прочее сгниёт, а он останется — я ещё не исчезну из бытия; если же всё прочее останется, но не станет его, вселенная для меня обратится в нечто огромное и чужое, и я уже не буду больше её частью.

Эмили Бронте
«Грозовой перевал»

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

Долгие годы мне снился один и тот же сон. Где бы я ни находилась, чем бы ни заканчивался мой день, ночью я переносилась в него. Он был таким живым, таким ярким и настоящим. Я отчётливо слышала все звуки, вдыхала запахи, чувствовала прикосновение лёгких травинок к ногам. И всё это было так явственно и объёмно, что, проснувшись, я долго потом не могла понять, что именно составляет моё сновидение, а что — реальность. Казалось совершенно невозможным, что то — дышащее, радостное, живое — лишь порождение подсознания, а это — плоское и неяркое, словно изображение на неисправном телевизионном экране — моя настоящая жизнь. Со временем я стала думать, что так и должно быть: та картинка потому и кажется мне такой насыщенной и притягательной, что в реальности она никогда не существовала. Я сама, сама поверила, что всё это всегда было только сном. Волшебным сном, захватившим меня однажды в момент наивысшей тоски и печали и отказавшимся затем отпустить.

Я ясно видела перед собой пологие сопки, покрытые перламутровой зеленью. Они словно тугие зелёные бархатные волны мягко вздымались, уходя куда-то к горизонту. Меж ними клубился, прячась от пер-

вых лучей пробуждающегося солнца, косматый туман. Не желал уступать и рассеиваться навстречу дню, стелился по низинам и оврагам, грозя оттуда своими белёсыми пальцами. Из-за гряды холмов показывалась рыжая макушка солнца, и вся раскинувшаяся передо мной изумрудная долина вдруг вспыхивала бриллиантовыми каплями искрящейся в лучах росы.

Я чувствовала, как мои щиколотки задевают, не сильно царапаясь, жёсткие побеги вереска. Вдыхала полной грудью ещё не прогретый, прохладный с ночи воздух, напоённый запахами океана, терпких целебных трав, хвои и медвяных лесных цветов. И меня охватывала сумасшедшая необъяснимая радость, желание жить, раствориться в этом бытии, любить всё на свете. Эта радость была такой естественной, такой глубокой... Я словно впервые открыла глаза и с восторгом увидела перед собой огромный и непостижимый мир.

Впереди темнела кромка леса. Я, поправив на плече сумку с учебниками, шла к нему по траве, сдерживаясь из последних сил, чтобы не пуститься бежать — так кипело во мне это желание поскорее объять необъятное.

Я углублялась в лес по тропинке, такой знакомой мне с детства, что каждое дерево, каждая кочка казались мне давними друзьями. Я, наверное, смогла бы пройти здесь с закрытыми глазами — и ни разу не оступиться. У кустов калины я привычно сворачивала влево и принималась осторожно пробираться сквозь сплетённые ветки к нужной полянке. Стоило мне поравняться с ней, как солнце, будто только того и ждав, проскальзывало между деревьев, и яркий золотой луч высвечивал лесную прогалину, разгонял свернувшийся туман, дробился в каплях росы и принимался оран-

жевыми пятнами подрагивать на коре старого разлапистого дуба. И в самом воздухе как будто бы вспыхивали и дрожали разноцветные блики.

Я подходила к дереву, прижимала ладонь к его ещё не прогревшемуся за день стволу, гладила, словно здороваясь со старым приятелем, а затем задирала голову и звонко кричала:

— Эй! Эй, ты здесь?

В вышине что-то шумело, и вдруг откуда-то из хитросплетения ветвей свешивалась всклокоченная голова моего единственного друга — среди людей — Гришки.

— Привет, двоечница, — задорно отзывался он. — Опять школу прогуляла?

— Как и ты, — смеялась я.

А затем бросала сумку на землю, на мягкий мох, обхватывала ствол дуба руками, цеплялась подошвой сандалии за выступающий сучок и начинала карабкаться вверх. Гришка протягивал мне руку, и я хваталась за неё, не успев даже как следует разглядеть его среди листвы, ещё толком не понимая, где он там разместился, я хваталась за его ладонь, доверяя ему, может быть, больше, чем самой себе. Уверенная, что он не даст мне сорваться и упасть.

И вот, наконец, я забиралась к нему на широкую ветку и могла как следует его рассмотреть. Во внешности его всегда было что-то бродяжье. Ловкий и гибкий, как лесной зверь, сильный, умелый, основательный, он иногда глядел на меня глазами потерявшегося ребёнка. Глазами, в которых, казалось, смешались все краски леса — нежная зелень листвы и глубокая насыщенная, — мха под ногами, золотистая охра солнечных лучей и тёмно-коричневый, как кора вот этого самого дуба, на котором мы с ним сидели. В его вскло-

коченных давно не стриженных волосах запутывались какие-то мелкие веточки и листья, руки вечно были исцарапаны, и, прикасаясь к его ладони, я всегда чувствовала под пальцами загрубевшую кожу. Его лицо... Удивительные «лесные» глаза, резкие скулы, прямой некрупный нос, упрямо выдающийся вперёд подбородок, белые крепкие зубы, мелькавшие в чуть озорной улыбке... Мне казалось, я знала в нём каждую чёрточку, помнила с детства, как обычно помнят, наверное, только лица родителей или братьев. В этом моём сне нам с ним обоим было по пятнадцать — Гришка за последний год сильно вытянулся, раздался в плечах, и теперь во всём его облике, несмотря на вечное мальчишество, угадывалось уже что-то мужское, сильное и надёжное. Гришка — он действительно во многом был как зверь, — приняв меня один раз, остался преданным навсегда.

Я хотела что-то сказать ему, и тут где-то позади нас, внизу, раздался переливчатый клёкот, пронзительный и протяжный, и Гришка прижал палец к моим губам.

— Слышишь? — прошептал он. — Выпь кричит. Там, в болотце. Прилетела уже, значит. Ну, скоро лето!

Я прислушалась к этим тревожным звукам, а затем, расшалившись, чмокнула его в прижатый к моим губам палец. Гришка вспыхнул мгновенно, чуть ли не до слёз, весь залился алым, до кончиков скрытых спутанной шапкой волос ушей, и буркнул куда-то себе под нос:

— Ты чего? Совсем уже...

А я, сама не зная, что это на меня нашло, просто ошалевшая от охватившей меня этим утром удивительной радости бытия, рассмеялась и щёлкнула его по носу. Он отпихнул мою руку, и мы стали бороться в вышине, опасно перевешиваясь с ветки.

В конце концов он скрутил меня, отбивающуюся и хохочущую, и притиснул спиной к старому стволу. Я мотала головой, пытаясь стряхнуть с лица длинные тяжёлые с шоколадным отливом волосы. И Гришка, продолжая удерживать меня одной рукой, высвободил другую и помог мне, отвёл упавшие на глаза пряди. Мы оказались с ним лицом к лицу, и мне вдруг показалось, что в лесу стало очень тихо. Будто бы разом умолкли шелест ветвей, пение птиц, скрип старых сучьев. И оттого отчетливо стало слышно, как колотится в груди его сердце, как он тяжело дышит, глядя расширенными зрачками прямо мне в глаза. В эту минуту, крепко стискивая друг друга, ощущая трепет дыхания, мы словно впервые почувствовали, как близки. До сих пор всё это было какой-то невинной детской возней — и вдруг неожиданно приобрело совершенно новый смысл, и мы замерли, ошеломлённые этим неизведанным ощущением.

Гришка отчаянно зажмурился, придвинулся ближе, и я почувствовала на губах его губы — обветренные, горячие, пахнущие горьковатыми лесными травами. И у меня что-то рванулось в груди и гулко застучало в ушах. И стало так жарко — я успела ещё мимолётно подумать, что это солнце, наверное, снова пробралось сквозь листву и, шутя и дразнясь, окатило нас своими лучами.

А потом где-то внизу захрустели под ногами ветки, зашелестели раздираемые нещадно кусты. Раздались голоса. Высокий и надсадный — моей школьной учительницы:

— Да здесь она где-то. Рада! Казанцева! Вечно она в лесу ошивается вместо уроков. Дикарка... Казанцева! Радочка, ау!

И ещё какой-то незнакомый, скрипучий:

— Послушайте, мне некогда... Если девочку найти не удастся, значит, придётся действовать самим, через городские службы...

И мы с Гришей, испуганные, смущённые, отпрянули друг от друга и заморгали от вспыхнувшего вокруг яркого солнечного света. В этот момент я всегда просыпалась.

Просыпалась в чужой квартире, открывала глаза и видела перед собой кусок бетонной стены с засаленными обоями. Просыпалась в гостиничном номере, вдыхая свежий и какой-то универсальный запах отельных простыней. В пентхаусе с видом на мерцающие огни никогда не спящего города. В актёрском трейлере где-нибудь в Висконсине, где голосили за стеной мои накутившиеся после тяжёлого съёмочного дня коллеги. Где бы я ни была — я выныривала из этого сна, задыхаясь от боли и отчаяния, и долго потом лежала, глядя в темноту не знающими сна глазами и гадая, было ли это утро когда-нибудь в моей жизни? Или оно — всего лишь плод фантазии, несбыточная мечта о месте, где я наконец смогу остановиться и обрести дом.

* * *

Я родилась в Приморье, в небольшом посёлке неподалеку от Владивостока. Жизнь всей моей семьи была неразрывно связана с океаном. Отец служил моряком на крупном торговом судне, мать работала на нём же корабельным врачом. Родителей я в детстве видела редко — от рейса до рейса. И каждое их появление было для меня праздником. Как другие дети ждут Нового

года или дня рождения, так в моей жизни точками отсчёта были дни захода родительского корабля в порт.

Отца я таким и запомнила — человек-праздник. Он был не слишком высокого роста, но весь какой-то большой, могучий. Широченная бронзовая от загара спина, перекатывающиеся под кожей тугие бугры мышц, громадные ручки, которые легко, с удивительной для них нежностью подхватывали меня с земли и сажали на плечи. Я до сих пор помню это обрывающееся ощущение в животе — уууух. И, наверное, на всю жизнь оно стало ассоциироваться с чувством счастья, радости, какой-то спокойной уверенности, что ты — в надёжных руках. Отец смеялся раскатистым басом, хохмил, рассказывал забавные случаи из рейса, включал погромче музыку, подхватывал деловито спешившую куда-то маму и принимался кружить её в танце. Он никогда не ругал меня за двойки или детские проделки, совершённые мной в его отсутствие. Ему просто жаль было тратить время на такие пустяки, когда он так ненадолго оказывался дома. Сказать, что я обожала отца — не сказать ничего. Он был для меня идеалом человека, немного нереальным — как мои любимые киногерои, ведь видела я его так редко, что образ его от раза до раза успевал слегка поблекнуть.

Мама... Она никогда не сидела без дела, всегда была чем-то занята и меня стремилась приучить к порядку и трудолюбию. И в то же время все это у неё получалось легко, без напряжения. Она вечно хлопотала по дому и напевала себе под нос. По рассказам деда ей, старшей из детей, рано пришлось повзрослеть, помогать матери, заботиться о младших, когда сам он уходил в море. При этом ей удавалось отлично учиться в

школе и даже получить по окончании золотую медаль. И в медучилище у неё тоже были одни пятерки.

Только уже будучи взрослой, разглядывая старые фотографии, я пришла к выводу, что мама была красивой классической спокойной красотой. А в детстве я часами могла смотреть на то, как она двигается, — легко, будто плывёт, превращая обычные рутинные домашние дела в удивительный танец. Взмахнула руками, повела плечами, качнула головой, рассыпав по плечам тёмные с шоколадным отливом волосы. Её волосы достались и мне, только у меня в детстве они были непослушными, торчали кое-как из наспех заплетённых косичек. А у неё взметались тяжёлой волной, искрясь в солнечном свете золотыми, бронзовыми и изумрудными искорками.

Мама...

Родители были для меня чем-то необычным. И даже наша квартира во Владивостоке была не настоящим домом, а сказочным местом, куда попадаешь только изредка и с удивлением бродишь, втягивая носом знакомый, но позабытый запах, прикасаясь к вещам, которые вроде бы знаешь давно, но всё равно ощущаешь до странности новыми.

Постоянно я жила у деда, в пригородном посёлке. Дед, мамин отец, раньше был моряком, много лет прослужил боцманом, а дома главой большого шумного семейства.

И дом его в посёлке тогда был гостеприимным, добротным, ладным. Возвращаясь из рейса, он постоянно что-то чинил, приколачивал, работая весело и споро. Мама много мне рассказывала об этом, но в моём детстве всё было уже совершенно иначе. Умерла бабушка — за много лет до моего рождения, погиб в автомобильной катастрофе младший сын. Мамина се-

стра, тётя Инга, вышла замуж и уехала куда-то под Хабаровск. К тому же в пятьдесят пять лет, как это полагается у моряков, дед был отправлен на пенсию, и от всего этого как будто бы разом закрылся в себе, не справившись с невзгодами. Нет, он не одряхлел, не сломался, но словно стал другим человеком — замкнутым и сумрачным.

Накануне очередного рейса родители привозили меня на своей ярко-жёлтой праворульной машине и сдавали с рук на руки деду. Тот никогда не выказывал при моём появлении особой радости, не бросался с объятиями, не начинал сюсюкать. Но по мгновенно вспыхивавшим тёмно-серым его глазам на обветренном лице я сразу понимала, что он крепко мне рад. Мне и самой, несмотря на предстоящую разлуку с родителями, становилось тепло и уютно на душе. Как бы ни манил меня шумный и весёлый город, именно здесь я была дома.

Я вернулась, а значит, будут тихие вечера у печки. Дед будет читать газету и чистить мне яблоки, станет рассказывать мне о кораблях, на которых ему доводилось плавать. И о тех, на которых не доводилось, но которые он всё же видел в разных портах мира. Я любила в такие минуты забиваться в уголок дивана, накрываться старым пледом и слушать, слушать. И представлять себе, как низко гудят пароходы, входя в гавань, как перекрикиваются на смешанных гортанных наречиях моряки, как морская вода плещет в борт судна.

Днём, если мне не нужно было в школу — из-за частых отлучек родителей меня отдали в поселковую школу, и из города я добиралась до неё на фырчащем, кашляющем и дребезжащем на каждой кочке автобуса-«пазике», а из дедовского дома ходила пешком, — мы